

Диана Билык
Ольга Коротаева

НЕПОКОРНАЯ
ДЛЯ
БЕШЕНОГО

RUGRAM

УДК 82-311.2(02.055.2)

ББК 84.4

Б61

Билык Д., Коротаева О.

Б61 Непокорная для Бешеного / Д. Билык, О. Коротаева, —
М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 378 с.

ISBN 978-5-521-90141-8

Внимание! Содержит нецензурную брань.

Меня предали и растоптали. Убили, но не похоронили...

Я воскрес вопреки всем и всему.

Чтобы отомстить тем, кто причастен к моему горю, особенно Лютому, старому врагу. Жаль, что я не могу придушить его лично. Но он пожалеет, что сломал мне жизнь! Я соблазню его сестру, сделаю её своей подстилкой на глазах у всех. Буду мучить, пока не наиграюсь, чтобы потом выбросить под ноги бывшему лучшему другу и его ангелочку.

Это расплата!

Главное, самому не вкусить огня, что способен изменить всё. Даже меня. Бешеного пса, не умеющего любить.

BIC FR

BISAC FIC027010

© Диана Билык, Ольга Коротаева, текст, 2023

© ИДК

© RUGRAM, оформление, 2023

© Т8 Издательские технологии, 2023

ISBN 978-5-521-90141-8

Глава 1

Бешеный

Я болен.

Смертельно.

И очень давно...

Лекарства от моей болезни нет. Не придумали или клинически не испытали. Плевать.

Я смирился. Вчера.

Но сегодня всё неожиданно и коварно изменилось... потому что я понял, как себе помочь.

Мне нужна нормальная сука. Чистая, надёжная, тугая. Чтобы вогнать хрен по самое не могу и словить кайф от горячей тесноты. Такая, чтобы заменила гудящую в груди боль на обжигающую настоящую страсть. Приглушила бы ненависть ко всему миру, вернула чувствительность и способность держать контроль, научила смотреть на вещи с другой, светлой стороны.

Но такой больше нет, она умерла вместе с моей душой, поэтому я решил вылечиться иначе, пойти в обходную и насладиться лечением сполна — отомстить всем, кто разрушил мою жизнь.

Во мне навсегда поселился мрак, и я больше не способен увидеть ничего, кроме темноты. После предательства, тюрьмы и смерти осталась только пылающая одержимость.

Бешенство.

Острое такое, жгучее, как имбирь.

Я ошибался. Во мраке можно прекрасно гореть, дарить тепло и видеть свет. Только после такого выкрутаса от тебя остаётся горстка пепла. Ну и похрен!

Пугая голодных голубей на площади, одетый в серое прямое пальто и чёрные джинсы, я сидел на кованой лавочке около стеклянной высотки и наблюдал за раздвижными дверями.

Мой взгляд, острый как пика, способный убить наповал, отпугивал прохожих. Люди сторонились, обходили по дуге, хотя площадь в это время была прилично переполнена, а путь к вожаемым покупкам проходил мимо меня.

К лавке завернула крупная мамаша с сыночком трёх лет. Вероятно, чтобы застегнуть цветную курточку пацану и, скорее всего, что-то сожрать, потому что они оба едва не лопались от лишнего веса. Наткнувшись на мою страшную физиономию, десятипудовая дама быстро утащила пузана подальше. Несколько раз обернулась настороженно, проверяя, не преследую ли. Как ещё «Чур, демон» не выдала, я откровенно удивлён.

Многие крестятся и молятся, когда смотрят мне в глаза, так что ей крупно повезло не столкнуться со мной вплотную и не стать жертвой.

Не тебя жду, квочка облезлая, иди-броди.

А ждал я долго. Терпеливо.

Час. Два. Три. Или десять... Уже успело стемнеть, зажглись фонари, звёзды утыкали бесконечное чёрное небо серебряными шляпками.

Я рыскал взглядом по каждой женской фигуре, что появлялась на выходе. Боясь упустить нужную девушку, внимательно изучал черты, раздевал глазами,

разглядывал одежду. Если б мог, сдирал бы шмотки с каждой. Щупал бы и проверял, она или нет.

Всё усложняла осень. Увидеть три родинки на шее, что можно соединить линиями в треугольник, и шрам под левым ребром ещё постараться нужно. Хорошо, что я отлично запомнил лицо девицы по фото и не нуждался в деталях. Мне достаточно было увидеть её один раз, чтобы не ошибиться. А ещё я узнаю её по запаху, тому, что уловил утром, проходя мимо. И легко найду по широко распахнутым синим глазам и кудрям цвета тёмного мёда.

Мне нужен повод идти дальше, потому что я разучился жить без цели. Не верил людям, умел только ломать кости и пускать кровь на ринге, желая, чтобы меня победили. Но они, паскудные слизняки, падали первыми. Я хочу снова дышать, улыбаться, мечтать. Как раньше, когда была жива Мила. Для этого я должен излечиться от огня, что трепыхался в моей груди и без конца причинял боль.

За последние годы из нормального мужика я превратился в зверя, и если что-то не сделать — одичаю и бессмысленно сгорю. Четыре года прошло после смерти Береговой. Четыре, сука, года! А я всё ещё её люблю и ею болею...

Нужно что-то делать, если не хочу озвереть.

Потому я ждал. Ждал. Ждал... Сдавливал зубы до мерзко-привычного покалывания в челюсти, кривился от боли в свежих шрамах на щеке, шее, подбородке и груди, куда в тюрьме били чаще всего, и впивался взглядом в каждое молодое женское лицо, мечтая наконец прекратить эту пытку.

Я знаю, что выбрал правильное место. Она здесь

бывает каждый день — слил надёжный источник. Скорее всего, жертва работает в этой стекляшке. И сегодня я убедился в этом. Увидел девушку у входа, даже стоял рядом, считая секунды до расплаты, втягивал ноздрями аромат её духов и смуглой кожи. Только схватить не посмел. Мне нельзя светиться, всё должно произойти очень тихо и незаметно.

Дождаться ночи — лучшее решение, что пришло в мою воспалённую жаждой мести голову.

Братец не часто с ней общается, подбрасывает копейку изредка, но не оберегает и не охраняет. Ха, от таких паскуд, как я.

Разные города, расстояние в тысячи километров. Лютый ещё больше забурел после выгодной свадьбы с Крысой. У него дела, дорогая шлюха и новый ребёнок. Первую жену похоронил и забыл, тварь последняя.

Но и эту, найденную сестрицу по матери, он не особо жаловал. На хрена Береговому лишний рот, и не один, всё правильно! Вот и встречаются родственнички несколько раз в год, и на этом вся забота Лютого заканчивалась. Но Варвара, девушка, которую я весь день выслеживаю, его кровь, его родственница по маминой линии, дочь тёти. Двоюродная. Эта разменная монета без цены и будет моей расплатой. Плевать, что с неё ничего, кроме траха, не возьмёшь. Мне и этого хватит на первое время.

А позже я придумаю что-то ещё. И буду по крохе вытягивать жизнь из подонка, что сломал мою жизнь.

Створки стекляшки расходились, выпуская новую порцию прохожих, что спешили с покупками домой, а я задерживал дыхание и облапывал взглядом каждую тёлку.

Не она. Снова не она. И опять не она.

Столько разных, но пустых баб. Всё не то. Пресно. Тошно. Отдаёт тривиальностью и примитивностью. Меня коробило от всех, и, разыскивая нужное лицо в толпе, я понимал, что и эта дырка ничем особенным не выделится. Только для неё у меня подготовлено особое приключение.

Я даже ухмыльнулся этой мысли, такой она была сладкой. Мстить, оказывается, так приятно.

Много думал, пока валялся в вонючей камере, пока меня латали на больничной койке, что моя жизнь полетела в пропасть из-за доверия. Я слишком был привязан к другу, верил ему, как себе, а он, тварь последняя, променял меня на шлюху с баблом. Пре-дал.

Как он мог? Мы же с ним всю жизнь бок о бок прошли, последний кусок хлеба делили на двоих. Я жизнь его спасал не раз!

До сих пор яйца сжимаются, когда закрываю опухшие от недосыпа веки и вижу, как Мила извивается и кончает под этим подонком. И от этих воспоминаний у меня темнеет в глазах и перехватывает горло.

Я часто видел их вместе, подглядывал, снимал их трах на телефон. В окно смотрел и не дышал, охранял их порок, больной придурок. Любил её как безумец! Молчал и любил. Тенью ходил вокруг парочки и украдкой завидовал, даже крёстным стал их сыну, только бы рядом с ними быть, хотя детей ненавижу. Я хотел упиваться своей болью, жрать их любовь со стороны и не надеяться на взаимность со стороны Милы.

Я ведь нравился ей, встречались, трахались, а потом она переметнулась к смазливому и высокому другу. А я сошёл с ума — заболел. Навечно. Пока не сдохну, буду её

любить.

Каждый день в течение нескольких лет дрочил на фотки жены друга. Представлял её перламутровую норку и упругий зад, снимая в клубе одноразовую сучку.

Потому что когда Мила определилась с выбором, я отошёл в сторону и преподнёс её Лютому. Дал себе слово не вмешиваться в их отношения и отпустить, хотя получалось с трудом. Вопреки своей боли никогда не претендовал ни на её тело, ни на сердце, ни на душу, потому что она стала чужой.

Я знал, что любимая не моя.

А теперь ничья. Сука! Как же мне тебя не хватает, Мила! И как же я хочу, чтобы этот ублюдок, что тебя погубил, ответил за всё. Не избежать тебе правосудия, Лютый. Я иду за тобой.

Я не был сторонником такого дерьма. Не любитель мести, насилия, мне проще на ринге выстоять, чем плести интриги. Всегда оказывался в стороне. Даже когда Лютый горел мстью за жену и пошёл на сделку с Чехом, я был лишь на подхвате, бесполезной пешкой. Я не хотел мстить, пусть в этом и не признавался, потому что своё сердце выдрал из груди задолго до смерти Милы, а когда её не стало, даже почувствовал облегчение, словно она меня отпустила, но не теперь... Когда узнал, что смерть Береговой оказалась напрасной, когда тот, кто её присвоил, теперь преспокойно трахает другую, называет Ангелину Кирсанову своей единственной, детей плодит...

Что-то сломалось во мне после их воссоединения...

Тот я, который умер за решёткой, не умел мстить, а этот я, бешеный зверь на свободе, готов на всё. Мне терять нечего. Я не жилец.